

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ОНОМАСТИКА В КРУГУ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Материалы
международной научной конференции

Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2005

Имя собственное как нарицательная характеристика личности (по материалам архангельских говоров)

Антропоцентричность мира ярко проявляется через имена собственные.

Личным («крестильным») именем человека награждается окружающее пространство («Там *Ива́нова* навина́, там *Кири́лоска* навина́» – Пин), время (весь календарный год подразделен на праздники и посты, связанные с именами святых (*Ивань день*, *Ивановский пост*)). Именами людей называют животных.

Имена используются для освоения некоторого «запредельного» мира. Вдруг получает крестильные имена (вернее, их уменьшительные варианты) «нечистая сила», мифологические духи дома. Когда что-то теряется, положено обращаться к такому шаловливому духу: «Што́-то потеря́йеш в до́ме: *Ва́нька-Лука́нька*, поигра́й да одда́й!» (Вин).

Частотны имена в заговорах. Имя собственное в заговоре есть у бани (артефакта): «Пáрная пару́шэцька, *Ма́рья-Соломи́душка*, пусьти́ помы́щца-попа́рищца, с ма́леньким младе́нецком, го́споди бласло́ви, го́споди Хри́сто́с» (Леш).

Собственным именем человека могут называться предметы: последний сноп, означающий конец полевых работ – *иванушка*: «Несут иванушка, последний сноп, и се серпы в этот сноп. Дёфки, я принесла иванушка хлебново, в угол поставить» (Кон); кафтан – *ванька*: «Кафтаны ваньки не стёганы были, толстой да большой» (Онеж); палка, приставленная снаружи к входной двери для указания на отсутствие хозяев, – *матрёна*: «Матрёна у ворот, матрёна – дак сторош» (Леш).

Женский половой орган становится *маняшкой*: «Береги свою маняшку, кавалёр зайдёт дак» (Леш) – или *мироньей*: «Хто миронья, кто попова щиль, а кто скажет – худя ты п-а. Свою-то миронью нечем прикрыть, а не ты йещчо» (Леш).

Немного сложнее обстоит дело с названием растений. Личные имена используются здесь массово, но иногда это связано с приуроченностью цветения/сбора к какому-то определенному периоду, связанному с именем святого: Иванову, Петрову дню и пр. В одних говорах *иванскими грибами* могут называться любые первые грибы, появляющиеся в начале июля (в канун или после Иванова дня), в других это название конкретных видов. Кроме того, мотивировкой может стать не июльский Иванов день, а августовский, Иванов пост: «Иванушка-гриб – шляпка горька» (Прим). Ср. также: «*Машки* грипкы меленькыи, очень много росытёт» (Пин); «*А мы макарами* зовём, се́ра голо́фка» (В-Т). Любой гриб с слишком длинной ножкой будет *иван долгой*: «Иван долгой – корешочик-од длинной, а шляпочка навверху, даг говорят: иван долгой» (В-Т). Ср. ниже *полтора Ивана*.

Комнатное растение бальзамин – *ванька (ваня) мокрой (весёлой, плакса, пьяной)*, *иван*: «Ваню мокрого выкинула, был у меня» (Карг); «Ванька весёлой – он сахарной» (В-Т); «*Это ванька-плакса*» (Пин). Травянистое растение кипрей – *иван (ванька, ванькин, иванов чай)*: «Ваньку-чья собира́ем, сморбду – и су́шым» (Плес). Травянистое растение *анютины (анюткины) глазки*: «Анюткины гла́ски, ванька-чя́й – некоторые люди заваривают на чай» (Онеж). Ромашка полевая – *бабушка-варварушка. варварушка*: «Я, бывало, ни одну баушку-варварушку розорву – всё гадаю. Знаэш варварушку? дёфка нарвала» (Карг).

Персонифицируются явления. Например, смерть осмысливается как замужество за *Лопатником*, уход к нему. Часто этот «жених» получает имя: *Ванька-лопатник, Иван Гробов*: «Мы уш ничего не ждём, одного ждём – лопатника, Ваньку-лопатника, большэ чего нам ждаты» (Онеж); «Оддыха́д будём у Ваньки Грбובה, повали́ссе в одно́м пла́тьи́е на фсёу жи́сь» (Мез).

Внебрачный ребенок может иметь мотивированное отчество *Богданович*: «Зауголок скажут, у кого ошца не было, звали по оцесву – Богданович, Бог дал, значит» (Карг). Может он иметь и «квази-отца» – *Ваньку Ветрова*: «У меня бы от Ваньки Ветрова [хоть бы дети были]» (Онеж). Здесь явная связь с фразеологизмом *ветром надуло* – о беременности вне брака.

Итак, с одной стороны, персонифицируется и получает собственные имена окружающий мир. С другой стороны, имя собственное становится нарицательной характеристикой личности, оно перестает обозначать конкретного человека, но получает возможность определять его характер или определять отношение говорящего к субъекту. Чаще эта характеристика содержит отрицательные коннотации.

Маркированность имя получает либо в силу своей достаточной распространенности, либо благодаря какой-либо конкретной истории конкретной однозной

личности, которую еще помнят в деревне (или о которой сохранились какие-то рассказы): «Рáньшэ какой-то стариг б́ыл – йевó Йевлáмпий з́вали, вод дéфку зовут Йевлáхой. Нү т́й, как Йевлáха, бéгаш. Это знáш чегó – чéм-то бáба на мужыкá похóжа» (Шенк).

Оценочными характеристиками могут обладать имена *Ванька, Варвара, Дунька, Матр́еха, Филя, Володя, Сенька, Фенька* и др. Иногда это оформляется как сравнение: «Ты штó заломáлся, как скопскóй *Вáнька?*» (Онеж); «Ты, как *Окү́ля, наряд́илась*» (Котл).

Личное собственное имя в качестве нарицательного употребляется как обозначение человека вообще, указывая лишь на принадлежность по полу. Таково употребление собственных имен в загадках: «Сéрый кóт *Матр́ену* трéт, *Матр́ена* хóхóчет, ишшó пúшче хóчет» [жернова] (Мез); в пословицах: «И на *Мáшку* бывáет промáшка» (Вель) (ср.: «и на старуху бывáет проруха»); во фразеологии: «Прийéхала вербóвана, такá, пай, *Дúnька с водокáчки* – невóстра такá, невóстра» (Шенк). Ср. также: *Полтора Ивана* ‘очень высокий’, ‘в рост полтора человек’ («Гéнка шы́пко дóлгой, таг зовут полторá Ивáна» – К-Б).

Персонификация ситуации, в которой человек неадекватно себя ведет («Сéнька дóма – *Вáньки* нёт, в головы́-то» – Леш.) может быть обусловлена экспрессивной конкретизацией фразеологизмов: *чегó-то не хватáет (в голове) = не все дома (в голове)*.

Выбор имени в присловьях порой связан с рифмой: «*Врóде Волóди* – такóй человéк глúпой» (Онеж).

Вне фольклора и фразеологии имя становится равным бранному определению человека (или обращением к нему). Глупая, некрасивая женщина или девушка – *Варвара, Матр́ена*: «Найдёт [жену], какá *Варвáра* заявица т́ут» (Шенк); «Фсё оговáривала, я пóмню: Штó ты, *Матр́ена*, некрасиво хóдиш» (Пин); «Тé-т опéть *Мотр́ены* сидят за столóm» (Леш). Браня детей, называют их *макарками*: «Вót што они дéлают, вót што ведúт – я вас, *Макáрки!*» (Леш).

Маркированное имя заставляет переосмыслить личное имя человека. Например, мать ругает сына Ивана, дураком она его прямо не называет, но говорит: «Нү, т́й у меня *Вáнька!* *Вáнька – Вáнька* и йéсь» (Шенк). Не всегда маркированность является отрицательной: «Йéщэ несú альбóm свойх *матр́ешэк* [о дочерях]» (Пин).

Оценочное имя переносится на животных. Это уже не собственно кличка животного, а его окказиональное маркированное прозвище, «обзывалка»: «Цéпнү́ла? Вот *Матр́еха-то!* [о кошке]» (Онеж).

Работа выполняется по материалам архангельских говоров («Архангельского областного словаря», картотеки «Архангельского областного словаря», «Словаря говоров Русского Севера» и собственных полевых записей автора), но использование крестильного имени (и его вариантов) в картине мира для освоения окружающего пространства характерно для всех славянских языков и диалектов.